

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сулейманов А.А. История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода) // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77014 EDN: TGJOTO
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77014

История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода)

Сулейманов Амир Азатович

ORCID: 0009-0000-6851-0531

аспирант кафедры гражданского права и процесса института права ФГБОУ ВО "Челябинский государственный университет"
Ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения хозяйственной деятельности управления правового обеспечения аппарата управления филиала ПАО "Россети Урал" - "Челябэнерго"

454091, Россия, Челябинская обл., г. Челябинск, Советский р-н, пл. Революции, д. 5

✉ amir.suleymanov@mail.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77014

EDN:

TGJOTO

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2025

Аннотация: В настоящее время процессуалисты проявляют растущий интерес к сложным и многогранным понятиям, одной из которых является категория «риска». Однако отсутствие должного внимания к ее историческому развитию не позволяет дать полноценную оценку названной категории. Данное обстоятельство влияет на выбор предмета и метода исследования. Предметом настоящей статьи является выявление сущности категории «риска» в цивилистическом процессе, а также анализ ее отражения и применения в истории законодательства России с принципом диспозитивности. В целях раскрытия предмета исследования автор обращается к суждениям античных философов, согласно которым подход к риску может выражаться как субъективным (осознание будущих последствий и возможность влиять на обстоятельства до их наступления), так и объективным (наступление последствий вне зависимости от воли лица). Методом исследования выступает комплексный историко-правовой анализ, охватывающий период законодательных положений от Русской Правды до норм советских кодексов. Ценность

настоящего исследования заключается в уточнении соотношения изучаемой категории с принципом диспозитивности. Важность закрепления указанного вывода необходима в целях объяснения причин применения изучаемой категории судами при перенесении риска на одну из сторон. Следовательно, значимость подтверждения указанного вывода направлена на изучение возникновения факторов риска и предполагаемых негативных последствий от названной категории в истории судопроизводства. В ходе исследования автор делает вывод, что процесс совершенствования законодательства способствовал смещению основного акцента подхода к риску с объективного к субъективному. Это выражается в том, что во время древнерусского законодательства примитивные средства доказывания влияли на наступление соответствующего результата. Однако дальнейшие законодательные статуты отражали воздействие субъективного подхода на риск. Субъективный подход отражается в нормах, посвященных заключению мирового соглашения, недобросовестному поведению стороны при подаче иска или в ходе осуществления судом производства по делу, судебному извещению и в других. Определяя, что субъективный риск мог существовать как при следственном, так и состязательном судопроизводстве, автор подтверждает вывод о том, что категория «риска» связана с принципом диспозитивности, в соответствии с которым лицо влияло на наступление желаемого результата.

Ключевые слова:

процессуальный риск, история риска, субъективный риск, объективный риск, древнерусское законодательство, законодательство средних веков, Устав гражданского судопроизводства, советское законодательство, правоприменение риска, принцип диспозитивности

Введение

При характеристике процессуального риска Н. С. Звягина, придерживаясь мнения о том, что изучаемая категория неразрывно связана с такими принципами как состязательность и диспозитивность, отмечает, что указанное понятие имело место в дореволюционном и советском гражданском процессе [\[1, с. 26\]](#). Более точно рассматриваемый вопрос нашел отражение в работе И. В. Решетниковой. По мнению профессора: «в состязательном процессе, где стороны наделены широкими полномочиями по защите своих прав, риск наступления последствий их действий (бездействий) становится реальным. Поэтому после судебной реформы 1864 г. активность сторон повышалась параллельно с развитием состязательности» [\[2, с. 95\]](#). Иными словами, согласно мнению профессора, риск выражается в активности сторон, существование которой возможно при наличии состязательного типа судопроизводства.

Иную точку зрения о связанности риска и принципов судопроизводства можно обнаружить в труде В. В. Яркова. С его точки зрения, положение о неотвратимости правовых последствий при наступлении юридического факта применительно к сфере гражданского процесса должно пониматься с учетом принципа диспозитивности [\[3, с. 37\]](#). Мы разделяем позицию ученого, поэтому считаем, что современное закрепление положения о риске содержит краткое описание названного принципа [\[4, с. 11\]](#).

Как следует из приведенных точек зрения, исследователи, придерживающиеся позиции равенства риска и состязательности, считают, что рассматриваемое понятие в истории

цивилистического процесса образовалось с момента принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – Устав), поскольку активность сторон начала развиваться. Однако мы считаем, что категория риска сопутствует действиям участников судопроизводства с начала реализации судебной функции в российском государстве независимо от типа судопроизводства. Поэтому, по нашему мнению, история развития категории «риска» в цивилистическом процессе требует дополнительного исследования.

Прежде чем непосредственно перейти к изучению поднимаемого вопроса, мы кратко отметим два обстоятельства, оказывающих влияние на настоящее исследование: (А) используемые термины «риск», «процессуальный риск» и «риск в цивилистическом процессе» являются синонимами ввиду единой области изучения [\[5\]](#); (Б) период изучения рассматриваемой категории сужен от законов древней Руси до советского законодательства из-за большого объема правовых источников. В силу названной причины автор оставляет без внимания статуты, действовавшие в соответствующих областях древней Руси: Двинская уставная грамота 1397 г., Псковская судная грамота 1462 г., Новгородская грамота, Московская губная запись 1486 г., Уставная Белозерская грамота 1488 г.

Прежде всего, необходимо представить объективное восприятие к изучаемой категории. Поэтому мы считаем верным обратиться к смыслу «риска», придаваемому в древности. Ведь неверно будет считать, что названная категория является исключительно современным понятием.

Первые рассуждения о рассматриваемом понятии встречаются в трудах античных мыслителей. Например, Аристотель подчеркивал, что всякий в известном отношении является *виновником собственного характера* (здесь и далее курсив наш – А. С.). Человек становится справедливым, совершая справедливые дела, умеренным – поступая умеренно, мужественным – действуя в опасных положениях и привыкая испытывать страх. Трусами же становятся, привыкнув трусить [\[6, с. 155\]](#). Из приведенного мнения следует, что характер человека формируется посредством преодоления тех опасных препятствий, которые возникают на его жизненном пути. Опасность выражается в наступлении негативных (нежелательных) последствий для лица. Минимизация или устранение причин наступления таких опасностей проявляет личное участие человека в своей судьбе. Поэтому можно считать, что риск, с точки зрения Аристотеля, является субъективным восприятием касательно будущих негативных последствий «в момент» их наступления. Аналогичную точку зрения можно встретить в размышлениях Диогена Лаэртского. Он высказывал следующее: «кто лучше всего умеет устроиться против страха внешних обстоятельств, тот сделает для себя, что возможно, а чего нельзя, то, по крайней мере, не враждебным, а где и это невозможно, там держится в стороне и отдаляется настолько, насколько это выгодно» [\[7, с. 411\]](#). Обе представленные точки зрения указывают на возможность влияния лица на процесс (ход) наступления последствия. Минимизация или устранение факторов, влияющих на результат, способны изменить последствия для лица. Поэтому можно сделать вывод, что оба философа отмечали субъективный характер «в ходе» наступления правовых последствий (положительных или отрицательных) риска.

Другой точкой зрения о риске можно признать утверждение Эпикура. Согласно его мнению: «[утешение] (прим. наше – А. С.) должно врачевать несчастье благодарным воспоминанием о том, что погибает, и осознанием, что нельзя сделать несделанным то, что произошло» [\[8, с. 278\]](#). Представленное суждение порождает подход субъективного отношения лица относительно наступившего последствия, что является общим признаком

для всех приведенных мнений. Отличием данного мнения от двух предыдущих мы видим в том, что восприятие формирования негативного последствия не осознается лицом до его фактического наступления. Иными словами, существование исходного факта находится вне сознания личности. В связи с этим, риск, по мнению Эпикура, выражается в объективном проявлении наступающих последствий, независимых от непосредственных действий «потерпевшего». Аналогичное выражение можно встретить в римском праве, в соответствии с которым риск связан с событиями, которые не находятся под контролем людей, но связан с непреодолимой силой [\[9, с. 26\]](#).

Исходя из приведенных рассуждений, можно предварительно сделать вывод, что лицо может осознавать или не осознавать итоговый результат. Это означает, что представленные мнения философов отражают разные подходы относительно категории «риска», в связи с чем коротко их можно обозначить как: субъективное (проявление осознания «*во время*» наступающего последствия) и объективное (отсутствие осознания наступления последствий до их фактического проявления). Конечная цель действий лица является предполагаемым благом, к которому он стремится. Однако не все сопутствующие обстоятельства могут зависеть от его воли. По этой причине мы считаем обоснованным принять обе точки зрения изучаемой категории, высказываемые античными философами, при исследовании развития судопроизводства. Здесь дополнительно стоит отметить, что оба подхода отражают возможность лица минимизировать или устранить негативные последствия. Это означает, что категория риска в понимании античных философов предоставляет лицу возможность влиять на свое будущее, что является характерным для принципа диспозитивности.

Истоки процессуального риска в древнерусском праве

В исследованиях, посвященных истории судопроизводства, указывается, что во времена независимости славян гражданское правосудие было основано на совести, древних обычаях, суевериях и грубых заблуждениях [\[10 с. 276; 11, с. 6; 12, с. 5\]](#). Это дополнительно отражается в том, что разрешение спорных вопросов в древнерусский период нередко сопровождалось применением насилия. В судебном процессе насилие выражалось в средстве доказывания, носившее название «поле» [\[13, с. 42; 14, с. 99\]](#), которым разрешались большинство гражданских дел: земельные споры, споры об исполнении договорных обязательств и другие [\[15\]](#). При этом тяжущиеся могли состязаться в боях как самостоятельно, так и с помощью нанимаемых людей. Необходимость применения насилия в древние века характеризовалась отсутствием развитой системы доказательственной базы для подтверждения фактических обстоятельств по делу. Предполагалось, что обладающий правдой являлся правым по делу, в связи с этим, его победу (обоснованность утверждений) должны были обеспечить внешние силы [\[12, с. 3\]](#).

Согласно Русской Правде 1016 г. судебный процесс (в силу отсутствия различий – гражданский и уголовный) характеризовался как состязательный, который начинался с частного обвинения, стороны обладали равными правами, судопроизводство было гласным и устным [\[16\]](#). Общественная власть должна была только уравновесить силы состязующихся и орудие их борьбы [\[13, с. 40; 17, с. 8\]](#). Стороны были вправе обращаться к письменным и свидетельским показаниям при доказывании своей правоты. Вместе с тем, в соответствии с Русской Правдой другими инструментами-доказательствами своей бесспорной правоты было обращение к «Божьему суду»: испытанием водой или железом [\[13, с. 40\]](#). Испытание водой означало, что стороны при отсутствии иных доказательств

переплывали водоем: кто первый пересек его, тот и считался правым. Испытание железом характеризовалось в быстроте заживления раны после полученного ожога. Применение рассматриваемых испытаний зависело от суммы требований: кулачный бой – не менее двух гривен, испытание водой – свыше двух гривен, а испытание железом свыше полугривны [\[13, с. 41\]](#).

Применение испытаний в качестве доказательств возлагало на стороны риск в силу случайности наступления событий, поскольку тяжущиеся не могли с точной уверенности сказать, что они пройдут испытание по причинам: скорости течения реки и ее глубины, состояния иммунной системы, позволяющей быстро заживать раны, профессиональных качеств воина и других факторов.

В связи с этим, можно констатировать, что процессуальный риск тяжущихся был сопряжен с судопроизводством в Древней Руси и, в первую очередь, связан с бременем доказывания. Отдавая решение о правомерности требований (возражений) на откуп внешним силам, сторона рисковала проиграть дело в силу не доказанности фактов, хотя их требование было обоснованным в прошлом. В контексте указанного законодательного источника можно сделать вывод, что риск в древнерусском процессуальном праве проявлялся как в субъективном, так и в объективном смысле. Субъективный подход выражался в осознании опасности средств доказывания (прохождение испытаний полем, огнем, водой), отказ от которых влекло разрешение дела не в пользу такого лица; объективность факторов (природных условий, иммунитет человека), входящих в средства доказывания, оказывала воздействие на наступление последствий вне зависимости от их оценки стороной.

Сторона могла самостоятельно определять свое поведение, чем обуславливалось наличие диспозитивного начала.

Таким образом, древнерусское процессуальное законодательство содержало понимание процессуального риска, хотя непосредственно его не закрепляло. Представленный материал непосредственно не похож на действующее процессуальное законодательство, поэтому дополнительного комментирования в части возможности минимизации последствий не требует. Его демонстрация необходима исключительно для того, чтобы подтвердить возможность наступления негативных последствий из-за волеизъявления тяжущегося.

Развитие концепции риска в Судебниках XV-XVI вв.

При рассмотрении вопроса о появлении Судебника 1497 г. отмечается, что к концу XV века вопрос о кодификации стал актуальным, поскольку законодательство получило значительное развитие и накопился достаточный материал для кодификационной работы. Вместе с тем, Судебник 1550 г. представлял собой переработанную и дополненную версию Судебника 1497 г., созданную в соответствии с потребностями общества того времени. Учитывая, что названные законодательные акты относятся к одному периоду развития русского права [\[18, с. 5, 525\]](#), здесь нами будут проанализированы оба Судебника совместно. В Судебниках проявлялись такие особенности, как: судопроизводство приобрело классовый характер и вместо состязательного процесса преобладало начало сыска [\[19, с. 6, 8, 39\]](#). В качестве судебных доказательств признавались: письменные документы, показания свидетелей, крестное целование, поле (судебный поединок). Последнее, аналогично Русской Правде, предполагало предоставление достаточных обстоятельств устранить недостаток правомерности требований (возражений) [\[18, с. 520-521\]](#). В связи с этим разрешение спора между

сторонами зависело от умений воинов, выступавших в поединке, и погодных условий. Исходя из этого, мы можем заметить, что Судебники исключили испытания железом и водой в качестве доказательств правоты, поскольку в Средние века произошло осознание того, что будущее зависит не только от Бога [\[20, с. 14\]](#). Поэтому изъятые правила не позволили разрешать спор в зависимости от случайных событий, независящих от воли людей. В связи с этим риск неправильного разрешения спора, зависящий от внешних обстоятельств, был устранен лишь частично. Таким образом, объективный подход к оценке риска был частично устранен на данном этапе развития процессуального законодательства.

В обоих Судебниках была устранена противоречивость показаний свидетелей. Согласно введенным нормам (статья 51 Судебника 1497 г., статья 15 Судебника 1550 г.) если истец представил несколько свидетелей и один из них дал сходные с ним объяснение, а другой представил противоположные пояснения, то один из свидетелей был вправе требовать поединка [\[18, с. 525, 527\]](#). Из этого следует, что поединок мог быть организован не только между тяжущимися, но и между свидетелями. С одной стороны, законодатель пытался устранить противоречивость доказательств, с другой стороны, он поставил истину по делу в зависимость от исхода поединка не заинтересованных в исходе дела лиц. В связи с этим, разрешение дела между тяжущимся зависело также от исхода испытания полем, поскольку истинность свидетельских показаний определялось поединком свидетелей.

Из положений Судебников следует, что отечественный законодатель частично отклонялся от идеи влияния объективных факторов на риск тяжущихся (исключены испытания огнем и водой), но всецело его не устранил. Например, поединок сторон мог быть осложнен погодными условиями. Поэтому можно утверждать, что названные ранее философские подходы к категории «риск» всецело сохраняли отражение в Судебниках, закреплявших следственное судопроизводство. Из этого мы можем указать, что понятие «риск» также не было зафиксировано в нормативном акте, но его проявление зависело от самого лица (как стороны, так и свидетеля). Это означает, что риск также проявлялся в принципе диспозитивности.

Риск в законодательстве XVII в.

Соборное уложение 1649 г., окончательно закрепив следственное судопроизводство, отменило судебные поединки тяжущихся и закрепило пытку в качестве крайнего судебного доказательства [\[21; 18, с. 663\]](#). Нормы о досудебном и судебном процессе в Соборном уложении содержатся в главе 10.

Статьей 19 Соборного уложения определялось, что если истец возбудил судопроизводство с требованием большим, чем он смог доказать, то с него взыскивалась сумма государственной пошлины втрое выше за недоказанные исковые требования. Другой нормой, содержащей негативные последствия, являлась статья 101 Соборного уложения. Согласно названной норме, в случае если ответчик отказывался отвечать перед судом по иску, он обвинялся без каких-либо судебных разбирательств, и с него взыскивалась указанная истцом сумма. Данные нормы мы можем квалифицировать в качестве перенесения негативных последствий на стороны во время судопроизводства. В свою очередь, М. Р. Загидуллин уточняет квалификацию названных положений и относит их к нормам, содержащих юридическую ответственность [\[11, с. 24-25\]](#).

Соглашаясь с определением негативных последствий в виде ответственности,

дополнительно хотим указать, что отсутствие добросовестного поведения истца и активного процессуального поведения ответчика влекло за собой возможность наступления негативных последствий. Между тем, статья 19 могла иметь две составляющих: (а) наказание истца за умышленную подачу необоснованного иска, виновность за которое зависело от доказательственной базы, либо (б) превентивно ограничивать истца от предъявления исковых требований, которые не могли быть им доказаны при подаче самого иска, но могли быть обоснованными исходя из материалов, полученных непосредственно в суде. В связи с этим, санкция, предусмотренная рассматриваемой статьей, применялась (наступала) в случае злоупотребления правом определения размера исковых требований, то есть «неправильной» реализации субъективного права. Это означало, что рассматриваемая норма содержало субъективный подход к риску и характеризовалась принципом диспозитивности.

Статью 101 Соборного уложения следует определить в качестве распределения негативных последствий за неактивное участие стороны в процессе. Это означает, что, несмотря на закрепление следственного вида судопроизводства, отечественный законодатель распределял риск наступления негативных последствий с учетом активного поведения сторон. Следовательно, нежелание ответчика в реализации права на участие в деле обуславливало применение установленной санкции.

Кроме того, особое внимание стоит обратить на положения статей 121-122 Соборного уложения, которые М. Р. Загидуллин также определяет в качестве юридической ответственности [\[11, с. 27-28\]](#). В соответствии с указанными нормами стороны, урегулировавшие спор до судебного дела, обязаны были представить мировые соглашения в суд. В случае же, если мировые соглашения не были представлены в суд и стороны не оплатили государственные пошлины, и уехали из города, то государственные пошлины подлежали оплате поручиками. В случае же, если и поручики уезжали из города, то государственная пошлина подлежала оплате недельщику со стороны лица, приближенного к поручику. Возможно, профессор отнес данные нормы к юридической ответственности, поскольку дальнейшая статья 123 Соборного уложения предусматривала положение об ответственности пристава и подьячего за неисполнение их обязанностей. Однако автор не поясняет данную позицию, оставляя неопределенной правовую природу статей 121-122 Соборного уложения. Анализ содержания указанных норм позволяет установить, что первоначальная обязанность по уплате государственной пошлины возлагалась непосредственно на стороны. При этом лица, указанные в рассматриваемых нормах (поручики, недельщики), не являлись первоначальными обязанными субъектами, но них возлагался риск возмещения пошлины. Тем самым, незаинтересованные лица фактически принимали на себя негативные последствия действий сторон. Названные нормы закрепляли подход к понятию «риск» в объективном смысле, ведь негативные последствия для лица могли наступить при отсутствии предположения о них. Таким образом, можно констатировать, что Соборное уложение закрепляло механизм распределения процессуального риска на третьих лиц, формально не участвующих в судебном процессе, что соответствует объективному восприятию риска.

Кроме того, следует обратить внимание, что стороны могли быть подвержены риску за несвоевременное представление доказательств. Поскольку Соборное уложение запрещало судьям принимать какие-либо дополнительные к делу бумаги, кроме тех, о которых стороны объявили во время самого суда и дали обещание представить их в известный срок. При этом судебный процесс был направлен на скорое рассмотрение дела, в связи с чем все справки, розыски и доставление необходимых документов

производились как можно скорее [\[11, с. 661\]](#). Данное положение отражает наличие риска в субъективном смысле, поскольку лицо, осознавая запрет на представление дополнительных доказательств, должно было предвидеть, что отсутствие упоминания о них и последующее непредставление таких доказательств могло стать причиной проигрыша дела.

Таким образом, исследование положений Соборного уложения демонстрирует переход от объективного подхода к риску к субъективному, что обуславливается не только изменившимся типом судопроизводства, но и ужесточением законодательства в части определения свободы поведения лица, участвующего в деле. Поэтому мы считаем, что закрепление следственного типа судопроизводства не отменяло распределение риска наступления негативных последствий на стороны ввиду отсутствия с их стороны добросовестного активного поведения.

Трансформация риска в судебной реформе XIX в.

Устав ввел в гражданский процесс состязательные начала судопроизводства, поскольку согласно статье 366 названного закона бремя доказывания возлагалось на стороны. М. И. Малинин в комментарии к указанной норме считал, что ее положение определяло первоначальное возложение бремени доказывания на инициатора судебного спора, поскольку им нарушается *status quo* ответчика [\[22, с. 285\]](#).

Кроме того, со статьей 366 Устава были введены новые правила, согласно которым: суд не вправе был собирать доказательства, а основывался исключительно на доказательствах, представленных сторонами (статья 367); при недоказанности существенных обстоятельств суд предлагал тяжущимся представить дополнительные доказательства (статья 368).

Совокупность приведенных статей Устава является наиболее интересной для нашего исследования, поскольку их системное толкование позволяет сделать вывод о процессуальном риске, существовавшем в период действия Устава. Такой вывод следует из того, что принятие противоположного судебного акта интересу тяжущегося зависит от его действия, поскольку именно он является ответственным по представлению доказательств. В связи с этим, можно утверждать, что как при определении легитимации иска, так и при несении бремени доказывания риск проявляется в личной оценке действий, осуществляемых стороной до наступления соответствующих последствий. Дабы нам представить объективную оценку сказанного, необходимо обратиться к многочисленным судебным актам Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената (далее – Кассационный департамент), сформировавшим правоприменение указанных норм. Например, суд не вправе был предоставить возможность истцу повторно доказывать обстоятельства дела в ином деле. Решением от 31.07.1874 № 416 отменен акт нижестоящего суда, который предоставил возможность истцу представить доказательства в другом деле. Кассационный департамент, устраняя необоснованный вывод суда, определил, что суд мог, не разрешая дела по существу, предложить истцу представить доказательства. Суд, наоборот, не имея законных оснований, предоставил истцу право доказывать отдельно от рассмотренного дела фактические обстоятельства. Аналогично изложенному решению, Кассационный департамент в решении от 17.03.1876 № 183 отмечал, что закон не дает суду права, признав требования истца недоказанными, предоставить стороне вновь начать дело с представлением необходимых доказательств, и что подобное распоряжение суда нарушает выраженное в статьях 366-368 Устава общее правило, по которому суд не принимает никакого участия во взыскании и собирании доказательств. Таким образом,

суд не вправе был принимать решение по делу и, одновременно с этим, предоставлять в этом решении той или иной другой стороне право предъявлять те же требования. Обозначенный запрет направлен на достижение равноправия сторон путем недопустимости обращения с иском в суд с одним и тем же предметом и основанием иска.

Таким образом, статьи 366-368 Устава вводили правила, согласно которым не только бремя доказывания возлагалось на стороны, но и риск непредставления необходимых доказательств возлагался на них. Данный вывод также подтверждался решением от 30.05.1867 № 171, в котором Кассационный департамент указал, что статья 368 Устава являлась правом суда, но не его обязанностью указывать сторонам на обстоятельства дела, требующие доказывания. Приведенное вытекает из того, что суд в силу нового порядка не принимал никаких действий по направлению дела, данная обязанность возлагалась на стороны.

Учитывая определенную законом отстраненность судебного органа от установления объективной истины по делу, стороны должны были представить суду все доказательства, имеющиеся у них. При непредставлении доказательств по делу они были «виновны» в принятии судебного акта, противоречащего их интересам. Таким образом, можно утверждать, что субъективный подход к риску проявлялся при рассмотрении дел после принятия Устава.

Рассмотрев положения Устава о доказывании, необходимо отметить, что риск возникал в имперском судопроизводстве не только при доказывании, а также при уведомлении суда стороной о своем месте пребывания. В соответствии со статьей 309-310 Устава, являясь в суд, тяжущиеся или их поверенные должны были заявить в канцелярии об избранном ими месте пребывания в том городе, где находился суд; в избранное место пребывания отсылались все процессуальные документы, а в случае если сторона не извещало о смене места пребывания, она не вправе была отговариваться неведением о тех процессуальных документах, которые ему были направлены по первоначальному месту.

Согласно названным нормам, Устава на тяжущихся возлагалась обязанность по извещению суда для направления им повесток и процессуальных документов. Вместе с тем, если сторона сама допустила ошибку при указании адреса, то она не вправе была ссылаться на это при обжаловании судебного акта. Наоборот, тяжущийся должен был принять невыгодные последствия, которые произошли от неточного обозначения местожительства (решение Кассационного департамента от 05.12.1873 № 1622). В то же время Кассационный департамент признавал, что неявка в суд не может признаваться обоснованной в силу отсутствия в месте пребывания, по которому была направлена повестка (решение Кассационного департамента от 15.02.1873 № 232). При этом не имело никакого значения о знании судом места пребывания тяжущегося, поскольку обязанность по сообщению места пребывания была возложена на сторону (решение Кассационного департамента от 24.01.1873 № 93). Таким образом, законодатель возлагал на тяжущегося риск негативных последствий, связанных с ненадлежащим уведомлением о судебном процессе.

В настоящее время отсутствует обязанность по первоначальному уведомлению о своем месте пребывания (статья 117 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), статья 123 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)). Вместе с тем, риск наступления неблагоприятных последствий может быть обусловлен тем, что сторона лицо, участвующее в деле, не исполнило обязанность по сообщению суду об изменении своего

адреса во время производства по делу (статья 118 ГПК РФ, статья 124 АПК РФ).

Наступление итоговых процессуальных последствий (разрешение дела по существу в отсутствие стороны или оставление иска без рассмотрения) зависело также от соответствующих процессуальных действий сторон. Согласно статье 329 Устава явка к заседанию только одной стороны не могла служить препятствием к допущению этой стороны при докладе дела к словесному объяснению. При неявке истец нес риск разрешения дела по существу или его прекращения с возможностью предъявления требований в последующем (статья 358, пункт 2 статьи 718 Устава). Например, в судебной практике отмечалось, что явка в судебное заседание стороны после удаления в совещательную комнату или оглашения резолютивной части не являлась причиной для допуска его к состязанию (решения Кассационного департамента от 16.08.1868 № 433, от 24.09.1874 № 524). При этом в случае, если суд удалился в совещательную комнату, председательствующий мог возобновить производство и допустить опоздавшую сторону к состязанию если совпадут следующие обстоятельства: пояснение стороны являлось необходимыми для разрешения затруднительных вопросов, резолютивная часть подписана, но не провозглашена, а противная сторона не покинула судебное заседание (решение Кассационного департамента от 25.11.1899 № 73). Неявка стороны при болезни также не являлась причиной для отложения судебного разбирательства и его пересмотра, поскольку у тяжущегося имелось право воспользоваться услугами представителя (решения Кассационного департамента от 22.11.1868 № 705, от 03.10.1875 № 732). Позиции Кассационного департамента соответствовали смыслу принципов равноправия и состязательности сторон (статьи 14, 16, 17 Устава). Вместе с тем негативные последствия могли быть возложены на сторону ввиду ненадлежащего исполнения или не исполнения права на участие в судебном заседании. Это означает, что не реализация соответствующего права зависело от выбора стороной вариантов возможного поведения. В связи с чем наступление негативных последствий по причине не участия в судебном заседании следует отнести к действиям (бездействиям), характеризующих принцип диспозитивности.

На основе представленного материала следует, что процессуальный риск сторон в Российской империи проявлялся больше в субъективном смысле, чем в объективном. Более того, ввиду развитого и осложненного процессуального законодательства риск отражал большинство действий сторон. Это обозначает, что риск мог образовываться ввиду реализации соответствующих прав в ходе судопроизводства, что является отражением принципа диспозитивности.

Процессуальный риск в советском праве

Директива В.И. Ленина, являвшаяся напутствием советским судьям: «Бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности революции» - определила направление судебной деятельности в деле строительства социализма судебного деятеля [\[23, с. 35\]](#). Поэтому в правовых нормах закреплялся принцип активной роли суда, предоставляя суду право в отдельных случаях по своей инициативе вмешиваться в правонарушения в целях восстановления социалистической законности [\[24, с. 10\]](#). В связи с этим суд должен был оказывать сторонам всяческое содействие и поэтому обязан даже по своей инициативе исправлять их ошибки. Если иск предъявлен не к надлежащему ответчику или ненадлежащим истцом, суд мог и без соответственного требования сторон, по своей собственной инициативе, постановить о замене выбывающего из дела ответчика или истца надлежащим ответчиком или истцом [\[25, с. 102\]](#).

Это безусловно не значит, что в названной «борьбе» суд достигал объективной истины при разрешении дела.

Как высказывал А.Т. Боннер, суд интересовали не все факты, а лишь такие факты, с которыми закон связывает определенные правовые последствия [\[26, с. 106\]](#). Для анализа своего вывода профессор рассматривал статьи 140-143 Кодекса законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Названные нормы, с его точки зрения, устанавливали юридическую истину [\[26, с. 107\]](#), что соответствует содержанию указанных норм. Так в статьях 140-141 определялось, что забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за 3 месяца до разрешения от бремени подавала заявление в местный отдел записей актов гражданского состояния по своему месту жительства, указывая время зачатия, имя и место жительства отца. О поступившем заявлении отдел записей актов гражданского состояния извещал лицо, названное в заявлении отцом, и последнему предоставлялось в двухнедельный со дня получения извещения срок возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления. Не возбуждение спора в указанный срок приравнивалось к признанию ребенка своим.

В то же время, наступление негативных последствий являлось не установление внесудебной юридической истины – определение отца ребенка, а последующее его участие в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка (статья 143). Таким образом, отсутствие процессуального действия со стороны предполагаемого отца ребенка – не возбуждение спора – являлось причиной для наступления негативных последствий в материальном правоотношении. В связи с этим, материальный риск в виде участия в содержании ребенка мог возникнуть вследствие процессуального бездействия. Данное подтверждает, что советский законодатель устанавливал наступление риска при внесудебном признании, а последствия такого риска являлось участие в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка.

Рассматривая ГПК РСФСР 1923 г., можем отметить, что вслед за Уставом, советский процессуальный закон предусматривал аналогичные способы вызова в суд, за некоторым исключением. Например, извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной распиской или через рассылных; допускается передача извещений суда через сельсовет (статья 66 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 283 Устава). Если должностное лицо, доставляющее извещение, не заставало вызываемого, то вручало извещение кому-нибудь из совместного с ним проживающих членов семьи, администрации дома или учреждения, в котором извещаемое лицо имело местожительство или постоянное занятие (статья 70 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 282 Устава и за некоторым исключением часть 2 статьи 116 ГПК РФ, часть 2 статьи 123 АПК РФ).

Данные нормы позволяют подтвердить довод о том, что риск не получения повестки зависит от таких факторов как: добросовестности сотрудников сельсовета, членов семьи, сотрудников администрации дома и от действий самого тяжущегося при перемене им местожительства. Участие в судебном заседании возможно в случае знания о нем, при этом отсутствие сведений могло повлечь за собой непредставление интересов стороны. Ввиду этого мы считаем, что первоначально риск возникал в объективном смысле и выражался при не передаче судебного извещения стороне лицом, получившим судебную повестку. Однако объективный смысл риска мог преобразовываться в субъективный. Зная о предстоящем судебном споре, сторона могла обеспокоиться поступающей

корреспонденцией и прибегнуть к минимизации наступления негативных последствий.

Однако представленный выше позитивный взгляд на переход от субъективного смысла категории «риска» к объективному подходу не является однозначным. Отражение такого суждения проявляется в содержании гражданского процессуального законодательства и наступлении соответствующих событий.

По общему правилу, во всяком положении дела, пока не вынесено решение, истец мог просить об обеспечении иска (статья 82 ГПК РСФСР 1923 г.). Но, с учетом политики занимаемой советским законодателем, в ГПК РСФСР 1923 г. было внесено изменение, согласно которому иски, предъявляемые ко всякого рода государственным учреждениям и государственным предприятиям, обеспечению не подлежали, за исключением исков, вытекающих из банковских операций кредитных учреждений, а равно по взысканиям долгов кредитно-кооперативным организациям (примечание к статье 82 ГПК РСФСР 1923 г.). Примечанием законодатель ограничил «покушение» на собственность государственных организаций, чем дискриминировал одних участников гражданских правоотношений от других. Такая дискриминация являлась оправданной, ведь защита интересов государства всегда стояла в центре внимания, особенно в спорах между государственными организациями и частными лицами [\[27, с. 140, 142\]](#). Отсутствие возможности обеспечить исковые требования приводят к риску невозможности исполнения судебного акта. Например, при отсутствии возможности лишить права распоряжения спорным имуществом, срок производства по делу может быть затянут ввиду перехода права собственности на спорное имущество. Таким образом, возможность наступления негативных последствий в деле зависело от законодательных ограничений, введенных в пользу государственных организаций. Таким образом, можно предположить, что риск определялся по двум основаниям. Во-первых, риск в объективном смысле, когда интересы стороны не могли быть гарантированы обеспечительными мерами, например, при иске к государственной организации, поэтому на сторону возлагались соответствующие последствия невозможности защиты своих интересов. Во-вторых, риск в субъективном смысле, когда сторона не обеспечила свои интересы в силу отсутствия соответствующего ходатайства.

Принципы социалистического демократизма, диспозитивности, состязательности, гласности, устности, непосредственности и другие определяют собой характер советского гражданского процессуального права и в военное время, но руководящим началом гражданского процесса, индивидуализирующим его как процесс военного времени, является перестройка всей работы на военный лад, подчинение всего интересам фронта и задачам организации разгрома врага [\[28, с. 22-23\]](#). Именно поэтому, иски выселения сьемщиков, члены семьи которых призваны в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота в соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик от 12.11.1942 № 19/М/23/у подлежали приостановлению на период участия в боевых действиях во время Великой Отечественной войны. Конечно, в самый сложный период российского государства интересы частных лиц были отнесены на второй план, что приводило к несвоевременной защите интересов арендодателей. Приведенный пример демонстрирует, что наступление события – Великой Отечественной войны – могло оказать влияние на своевременную защиту прав заинтересованного лица. Следовательно, названное событие образовывало риск в объективном смысле, поскольку вызванные им правовые последствия приводили к невозможности своевременной защиты интересов.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной

Социалистической Республики, утв. законом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11.06.1964 (далее – ГПК 1964 г.), как и предшествующий ГПК 1923 г. не содержал понятие «риск». Однако истечение срока исковой давности могло оказать негативное последствие на положение стороны. Последствия истечения срока исковой давности применялись судом самостоятельно, поэтому считалось, что право на иск погашалось при истечении срока исковой давности. Данное обстоятельство делало невозможным осуществление права в принудительном порядке [\[29, с. 15\]](#).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в период советского законодательства существование процессуального риска характеризовалось наступлением события, истечением срока исковой давности, а также поведением заинтересованных лиц. Названные обстоятельства подтверждают, что риск отражается в объективном и субъективном смысле. При этом некоторые негативные последствия истец имел возможность устранить, например: своевременно подать исковое заявление, проявлять интерес к получаемым сообщениями вместо него иными лицами.

В связи с этим, следует признать, что активное поведение лица способствовало устранению соответствующих последствий, чем отражало закрепление принципа диспозитивности в гражданском процессуальном законодательстве.

Заключение

Исследовав развитие процессуального риска, следует признать, что риск в историческом аспекте выражался как в субъективном (когда лицо осознавало возможность наступления последствий), так и в объективном смыслах (когда последствия наступали независимо от воли лица и его осознания). Но в ходе эволюции законодательства происходит постепенный переход от одного к другому. Это означает, что уменьшается число законодательных положений, которыми определяются наступление негативных последствий ввиду возникновения независимых факторов, а основной акцент наступления негативных последствий определяется поведением сторон. Следовательно, можно признать, что суждения о риске, указанные Аристотелем, Диогеном Лаэртским и Эпикуром, нашли отражение рассматриваемого понятия в гражданском процессуальном законодательстве посредством принципа диспозитивности.

Это означает, что независимо от типа цивилистического процесса в системе координат «следственный – состязательный» наступление возможности негативных последствий однозначно зависит от волеизъявления лица. Именно поэтому мы считаем, что категория риска сопровождает судопроизводство независимо от периода развития российского государства и взаимодействует с процессуальным принципом диспозитивности.

Библиография

1. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. канд. юр. наук: 5.1.3. – Воронеж, 2023. – 185 с.
2. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.
3. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-р юрид. наук: 12.00.03. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.
4. Сулейманов А.А. Соотношение категории риска и принципов диспозитивности или состязательности // Российский судья. – № 7. – 2025. – С. 8-12. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-7-8-12.
5. Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с

- цивилистическим процессуальным правоотношением // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – № 2 (26). – 2025. С. 233-249. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20>.
6. Чанышев А.Н. Аристотель. – М.: Мысль, 1987. – 220 с.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова, под ред. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1986. – 570 с.
8. Этическая мысль: науч.-публицист. чтения / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Политиздат, 1988. – 215 с.
9. Гринева А.В. Правовые риски и их минимизация: теоретический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8, № 3 (28). – С. 24-32.
10. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 1. – СПб.: типография Н. Греча, 1818. – С. 276.
11. Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в российском цивилистическом процессе: историко-правовое исследование. – М.: Статут, 2019. – 143 с.
12. Пахман С.В. О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом развитии. – М.: Университетская типография, 1851. – 212 с.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Русская правда // Хрестоматия по истории русского права. – Киев: типография Императорского университета Св. Владимира, 1876. – 265 с.
14. Владимирский-Буданов М.Ф. Договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. // Хрестоматия по истории русского права. – Киев: типография Императорского университета Св. Владимира, 1876. – 699 с.
15. Староверова Е.В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV – начала XVII в. // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.
16. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. – Монография. – М.: Статут, 2022. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
17. Медведев В.Г., Липинский Д.А. К вопросу о становлении и развитии гражданского процесса в русском праве IX–XV вв. // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-1-158-188.
18. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – М.: Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, на углу Садовой и Цветного бульв., д. Торопова, 1879. – 728 с.
19. Юшков С.Ф. Судебник 1497 года: (К внешней истории памятника). – Саратов: Правл. Саратовск. гос. ун-та, 1926. – 46 с.
20. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков. – М.: Издательский центр "Академия", 2008. – 368 с.
21. Золотова О.И. Модель и тип гражданского судопроизводства в России по уставу гражданского судопроизводства 1864 года – Текст: электронный // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: [сайт]. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/118> (дата обращения: 27.02.2025).
22. Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу. – М.: Статут, 2014. – 640 с.
23. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Городец, 2022. – 352 с.
24. Треушников М.К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. – М.: Городец, 2020. – 320 с.
25. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. – М.: Государственное издательство,

1928. – 320 с.

26. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2022. – 656 с.

27. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. I. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных правоотношений. – М.: Проспект, 2022. – 336 с.

28. Юдельсон К.С. Избранные труды 40-х годов XX века. – М.: Статут, 2024. – 376 с.

29. Абрамов С.И. Исковая давность. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – 24 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «История развития риска в цивилистическом процессе» предметом исследования является юридическая категория «процессуальный риск», а именно ее историография.

Методология исследования. Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительное правоведение, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Актуальность исследования автор объясняет тем обстоятельством, что «тема процессуального риска не развита в историческом разрезе по сравнению с иными процессуальными учениями... гражданское процессуальное право в отличии от смежной материальной отрасли не имеет своей истории научного исследования категории «риска». Вместе с тем, ...понимание «риска» имело место в дореволюционном и советском гражданском процессе». Представляется, что необходимо в исследовании показать важность и значимость юридической категории «процессуальный риск» для эффективного правового регулирования общественных отношений на современном этапе.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер и содержит обращения к чужим воззрениям. Автор весьма слабо обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается именно его вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. На взгляд рецензента, тема не раскрыта, по заявленной автором проблеме никаких новых решений не предложено. Название статьи представляется шире, чем ее содержание (автор исследует историографию категории «процессуальный риск» лишь до завершения советского периода, о чем следовало бы указать в названии). Кроме того, автором превышен допустимый объем для научной статьи (по общим требованиям не более 40 тыс. печатных знаков).

Вместе с тем нельзя не признать, при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Однако в статье отсутствует терминологическая ясность: можно только предполагать, что «риск», «риск в

цивилистическом процессе» и «процессуальный риск» в рамках данного исследования это тождественные категории. Отмечаются повторы слов в предложениях, например «При рассмотрении вопроса о появлении Судебника 1497 г. отмечается, что к концу XV века вопрос...» и др. Не лишен текст грамматических ошибок, например, «направленно».

Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение). Можно отметить, что во введении недостаточно полно обоснована актуальность темы статьи. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не всегда аргументирует собственную позицию. Большая часть статьи носит описательный характер, отсутствует аналитика. Так и остается открытым вопрос: в чем автор видит значимость своего исследования для юридической науки (ведь изучение исторического опыта необходимо для избегания ошибок, в том числе, и в области юриспруденции) в настоящем. В заключительной части статьи кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке.

Библиография. Для научной статьи автором использовано чрезмерное количество доктринальных источников. Представляется, что следовало бы в списке библиографии указать наиболее значимые публикации. Избыточно представлено самоцитирование, если автор уже имеет публикации по данной проблематике, есть ли необходимость повторяться?

Апелляция к оппонентам. По отдельным спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «История развития риска в цивилистическом процессе» не может быть рекомендована к опубликованию, поскольку нуждается в доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области истории права, гражданского процессуального права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «История развития риска в цивилистическом процессе (от древней Руси до советского периода)».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам истории развития риска в цивилистическом процессе. Автором, в частности, рассматриваются истоки процессуального риска в древнерусском праве, развитие концепции риска в

Судебниках XV-XVI вв., риск в законодательстве XVII в., трансформация риска в судебной реформе XIX в., процессуальный риск в советском праве. В завершении делаются итоги исследования. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, нормы законодательства различных периодов, мнения ученых, материалы практики, исторические документы.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об истории развития риска в цивилистическом процессе. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм законодательства различных исторических периодов. Например, следующий вывод автора: «Рассматривая ГПК РСФСР 1923 г., можем отметить, что вслед за Уставом, советский процессуальный закон предусматривал аналогичные способы вызова в суд, за некоторым исключением. Например, извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной распиской или через рассылных; допускается передача извещений суда через сельсовет (статья 66 ГПК РСФСР 1923 г., аналогична статье 283 Устава)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема истории развития риска в цивилистическом процессе. Для понимания действующего процессуального законодательства важно обращать внимание на тенденции его развития, исторический опыт, перспективы изменений. Сложно спорить с автором с тем, что «лицо может осознавать или не осознавать итоговый результат. Это означает, что представленные мнения философов отражают разные подходы относительно категории «риска», в связи с чем коротко их можно обозначить как: субъективное (проявление осознания «во время» наступающего последствия) и объективное (отсутствие осознания наступления последствий до их фактического проявления). Конечная цель действий лица является предполагаемым благом, к которому он стремится. Однако не все сопутствующие обстоятельства могут зависеть от его воли».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«риск в историческом аспекте выражался как в субъективном (когда лицо осознавало возможность наступления последствий), так и в объективном смыслах (когда последствия наступали независимо от воли лица и его осознания). Но в ходе эволюции законодательства происходит постепенный переход от одного к другому. Это означает, что уменьшается число законодательных положений, которыми определяются наступление негативных последствий ввиду возникновения независимых факторов, а

основной акцент наступления негативных последствий определяется поведением сторон. Следовательно, можно признать, что суждения о риске, указанные Аристотелем, Диогеном Лаэртским и Эпикуром, нашли отражение рассматриваемого понятия в гражданском процессуальном законодательстве посредством принципа диспозитивности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором проведена работа по обобщению документов и материалов по теме исследования, что может быть полезна специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с развитием российского цивилистического процесса.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив выводы на основании изучения истории вопроса о риске в цивилистическом процессе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Ярков В.В., Решетникова И.В., Гринева А.В., Пахман С.В., Владимирский-Буданов М.Ф. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области цивилистического процесса.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам риска в цивилистическом процессе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»